

JEL classification: B14, B31, O11

УДК 94(571.5)

DOI 10.17150/2308-2488.2022.23(3).508-535

Д.Я. Майдачевский*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

Нэп с народнохозяйственной точки зрения: П.П. Маслов, Иркутск — Чита, 1920–1922 гг.

Аннотация. Статья обращается к малоизвестному «сибирскому» периоду творчества Петра Павловича Маслова (1867–1946), в недалеком будущем советского академика-экономиста, а в первые послереволюционные годы – оппонента большевиков. Полагавший, что разумная экономическая политика невозможна без опоры на экономическую науку, он не усматривал перспектив выработки таковой политической экономией классовой борьбы, в основании которой лежала частнохозяйственная (как и ее разновидность – государственно-хозяйственная) точка зрения на экономические явления и процессы. Политэкономии ученый противопоставил «науку о народном хозяйстве» как экономику развития, с лежащей в ее основании народнохозяйственной точкой зрения. Именно с позиций народнохозяйственных целей развития и методов накопления ученый оценивал экономическую политику советской власти, будь то военный коммунизм или новая экономическая политика. В основу статьи положен доклад автора на приуроченной к 100-летию нэпа Всероссийской научной конференции «Российские экономические реформы в региональном измерении» (Новосибирск, сентябрь 2021 г.).

Ключевые слова. Наука о народном хозяйстве, П.П. Маслов, Дж.М. Кейнс, нэп, политическая экономика развития, «инстинкт накопления», кооперация.

Информация о статье. Дата поступления 13 сентября 2022 г.; дата принятия к печати 7 октября 2022 г.; дата онлайн-размещения 20 октября 2022 г.

D.Ya. Maidachevsky
Baikal State University,
Irkutsk, the Russian Federation

The New Economic Policy from the National Economy Perspective: Petr Pavlovich Maslov, Irkutsk — Chita, 1920–1922

Abstract. The article is dedicated to the little-known “Siberian” period of Petr Pavlovich Maslov’s (1867–1946) work. He was soon to become a Soviet academician-economist, and in the first post-revolutionary years he was an opponent of the Bolsheviks. Believing that a sound economic policy was impossible without the support of economics, he saw no prospect of developing such a policy in the political economy of the class struggle, which was based on a private-economic (as well as state-economic) perspective on economic phenomena and processes. The scientist contrasted political economy with “the science of the national economy” as the economics of development, with the national-economic point of view underlying it. It was from the standpoint of national-economic development goals and methods of accumulation that the scientist assessed the economic policy of the Soviet Power, be it War Communism or the New Economic Policy. This paper is based on the author’s report at the All-Russian Scientific Conference “Russian Economic Reforms in the Regional Dimension” (Novosibirsk, September 2021) commemorating the 100th anniversary of the New Economic Policy.

Keywords. Science of the National Economy, Petr Pavlovich Maslov, John Maynard Keynes, the New Economic Policy, political economy of the development, “instinct of accumulation”, cooperation.

Article info. Received September 13, 2022; accepted October 7, 2022; available online October 20, 2022.

Современная наука экономической истории хотя и не сводит раннесоветский опыт к простому набору фактов хозяйственной жизни этого отрезка прошлого страны или политических противостояний, для него

характерных, предлагая интерпретации последних в рамках того или иного методологического подхода, все же предпочитает игнорировать уникальный политико-экономический эксперимент / проект, которому они обязаны своим рождением. За традиционными историческими нарративами, имеющими дело с «фактами», как правило не просматриваются цели, установки, идеи и представления об ином / новом (будущем) мире, то есть то, что и мотивировало сами радикальные политико-экономические преобразования — революцию, давшую старт этому проекту. Даже исследования, взявшие на вооружение «проектный подход», то есть пытающиеся осмыслить феномен раннесоветского общества, взглянув на него «как на результат целенаправленной деятельности людей, движимых социалистической идеей» [1, с. 16], вряд ли преуспеют в достижении заявленной цели, априори объявляя последнюю утопической. Ведь вместе с водой «социалистической утопии» выплескивается и ребенок: отрицается ключевая роль социальной (в нашем случае — политико-экономической) науки, этой самой социалистической идеей руководствовавшейся, в обсуждении практической политики.

Экономическая историография нэпа

Экономическая историография нэпа, демонстрирующая многомерный характер этого исторического феномена и фиксирующая появление со временем все новых его «измерений», не часто вспоминает о существовании такого из них как история экономической науки. Это отнюдь не исключает, конечно же, обращения экономических историков к трудам экономистов 1920-х гг. как историческому источнику, к экономической науке как интеллектуальной области, дающей наглядный пример «свободомыслия», или собственно к идеям экономистов этой эпохи — к первоисточникам или наработкам историков экономической науки

для целей организации или интерпретации эмпирического материала.

Небывалый всплеск в развитии, продемонстрированный наукой в те годы, нередко именуемый ее «звездным часом» (а иногда и «золотым веком»), связывается почти исключительно со «смягчением» идеологического контроля со стороны власти, в то время как на деле был в немалой степени обусловлен как раз «прививкой» социалистической идеи. Большинство участников широких обсуждений тех лет, авторов публикаций в многочисленных экономических журналах и сборниках, монографических работ были по своим убеждениям социалистами или представителями близких к ним направлений мысли.

К сожалению, история экономической науки (мысли, идей), в ведение которой было передано изучение указанного направления экономической историографии нэпа, и без того долгое время находившаяся в плену презентизма ортодоксально-партийного марксизма, взялась за дело в самый для этого неподходящий исторический момент. В результате чего, построения возвращавшихся после десятилетий забвения в научный оборот экономистов 1920-х гг. стали «вписываться» в неоклассический мейнстрим, кейнсианство, австрийскую школу, институционализм, но только не в отброшенный на обочину экономической науки марксизм. Уделом социалистических / неортодоксальных марксистских идей стали, в лучшем случае, разделы учебников по истории отечественной экономической мысли, рисующие «образы» несостоявшегося / утопического будущего.

Историографии экономической науки, невзирая на безусловное родство и тесную связь с общей экономической историографией, присущи своеобразные черты, подходы и способы работы с историко-научным (историографическим) материалом. Наряду с традиционным научно-биографическим жанром

(«историографией в человеческом измерении»), изучением складывавшихся научно-экономических институций или их комбинацией, едва ли не основной единицей историко-научного анализа стали «экономические дискуссии» 1920-х гг., проходившие по широкому кругу научных проблем — от методологии экономической науки до узкоотраслевых вопросов последней. Наряду с несомненными достоинствами (например, обсуждение и оценка альтернативных точек зрения) такому подходу присущ, на наш взгляд, по меньшей мере один существенный недостаток: он разрывает целостную ткань экономического знания, а избранные историками в качестве единиц анализа дискуссии начинают перестраивать его структуру, выполняя несвойственную им роль этапов его развития.

Отсюда, вполне понятное стремление обнаружить своеобразный эпицентр дискуссий, или «большие / великие дебаты» (Great Debate). В качестве таковых чаще всего рассматривают дискуссию об индустриализации. Во введении к своему, ставшему классическим, труду 1960 г. «Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928» А. Эрлих подчеркивал, что последняя «охватывала широкий круг вопросов: от проблем теории стоимости до незначительных деталей политической жизни. В ее центре, затмевая все остальное, постоянно находилась проблема определения подходящего темпа и модели экономического развития страны» [2, с. 21]. В главе «Проблема индустриализации» своей фундаментальной работы, посвященной экономическому развитию СССР после 1917 г., ему фактически вторил М. Добб, утверждавший, что обсуждение касалось «вопроса о пути, по которому должна была пройти российская экономика после того, как была решена задача восстановления промышленности и сельского хозяйства после разрушительных последствий войны». Английский экономист-историк и марксист подчеркивал, что Россия тех

лет демонстрировала ситуацию уникальную в мировой истории: «Страна со слабо развитой промышленностью и примитивным сельским хозяйством стала ареной действий Советского правительства, основанного на блоке рабочего класса и крестьянства, который осуществил экспроприацию класса капиталистов и помещиков и обобществление крупной промышленности» [3, р. 177].

В остающемся и по сей день самом полном отечественном обзоре «экономических дискуссий» 1920-х гг. — книге В.Е. Маневича, дискуссия об индустриализации в качестве самостоятельной не выделяется. Эпицентром дискуссий становится вопрос о сущности переходного периода, который, по словам автора, «представлял собой стержень, вокруг которого вращались все экономические дискуссии 20-х годов» [4, с. 23]. Вектор развития экономической науки в те годы, с позиции автора, задавался необходимостью решения двух основных задач переходного периода, которые были уже фактически озвучены М. Доббом: восстановления и реконструкции народного хозяйства, а также «переустройства общественных отношений» на новых социалистических началах. Той же советологии 1960-х гг., находившейся под впечатлением экономических успехов СССР и наступившей «оттепели», история экономической науки эпохи «перестройки» обязана и указанием на две модели экономического развития, которые та обнаружила в несколько хаотических по своему характеру дискуссиях 1920-х. Модели, которые были связаны с именами крупных партийных теоретиков тех лет, — Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского [5] и которые, заметим, не вызывали ни у советологов, ни у «перестройщиков» сомнений в их «марксистскости».

В годы перестройки историки экономической науки инициировали выработку целой программы изучения отечественной (советской) экономической

мысли 1920-х гг. Сомнения в том, что она, в случае реализации, привела бы к сколько-нибудь значимым результатам, связаны, в первую очередь, с методологической установкой, положенной в ее основание. При воссоздании / реконструкции «действительной и цельной картины развития мысли» было предложено опереться на анализ экономической реальности нэпа, концепцию, отражающую логику ее (реальности) эволюции между 1921 и 1929 гг.¹ [6]. И хотя эта логика развития хозяйства вела скорее к реалиям 1930-х гг., теоретическим ориентиром движения самой экономической мысли провозглашался курс «мнимых правых» (Н.И. Бухарина и К^о) — ненасильственного закономерного движения к «социализму с человеческим лицом». Впрочем, наступившая вскоре эпоха рыночных реформ 1990-х установила для историков экономической науки совсем иные теоретические ориентиры.

По прошествии тридцати лет нэп по-прежнему трактуется как «институциональная конкуренция — нащупывание оптимального пути развития» [7, с. 64], в которой участвовали, однако, уже не две, а целых пять моделей экономического развития, выработанных экономической мыслью 1920-х гг. При этом, «следы» пяти парадигм экономики развития (Development Economics) — кейнсианской, неоклассической, традиционно-институциональной, неоинституциональной и леворадикальной — ищутся не путем (как того можно было ожидать) изучения экономических реалий 1920-х гг. или интеллектуального наследия экономистов тех лет, а простым наложением на экономическую историографию нэпа ее (экономики развития) дисциплинарной матрицы 1960–1980-х гг. В результате не только обнаруживаются «линии» развития Красина, Троцкого / Преображенского, Бухарина, «позднего» Ленина и Сталина этим парадигмам соот-

¹ Обсуждение доклада В.Е. Маневича // Вопросы экономики. 1989. № 10. С. 57–75.

ветствующие, но и выносятся неутешительный «вердикт» нэпу и положившему ему конец Великому перелому, которые теряют свою уникальность, будучи ретроспективно истолкованы в терминах неоклассической и / или институциональной теорий развития [7, с. 64; 8, с. 112–114].

Примечательно, что А. Эрлих еще в 1960 г., едва ли не в тех же словах охарактеризовал вклад советских экономистов 1920-х в экономику развития, подчеркнув, что поднятые теми «проблемы и получаемые решения поразительным образом предвосхитили работу, сделанную за последние 20 лет западными экономистами». Не забыв, правда, при этом упомянуть не только о работе последних в данной предметной области уже на более высоком профессиональном уровне, но и о том, что более важно и принципиально, — о их работе «в рамках других концепций» [2, с. 25]. К сказанному стоит добавить, что сам факт рассмотрения экономической науки 1920-х гг. с позиций экономики развития не только серьезно сужает угол зрения, но обедняет историографический анализ. Хотя экономика развития возникла после Второй мировой войны как политико-экономическая дисциплина, она стремительно утрачивала это свое содержание, превращаясь в сугубо прикладную область экономического знания. Поэтому факт «предвосхищения», или постановки и решения экономистами 1920-х ряда проблем, которые станут актуальными десятилетия спустя, не дает оснований истолковывать прошлое с позиций по сути новой науки.

Кроме того, подобный подход рискует оставить за рамками историографического анализа значительный пласт экономической литературы и идей 1920-х гг., не вписывающихся в дисциплинарную матрицу экономики развития. О некоторых из прочерчиваемых ею «линий развития» можно говорить не иначе как о «пунктирных» с точки зрения их науч-

ной / теоретической обоснованности. Как результат, более полувека спустя с начала разработки советологией 1960-х указанной проблемной области большую часть ее интеллектуального пространства все также занимает «теоретическая дуэль между Н.И. Бухариным и Е.А. Преображенским» (Э.Б. Корицкий), сводящая выбор моделей экономического развития в послереволюционной России к альтернативе частного и государственного накопления [9].

Указанная альтернатива может не только «развернуться» в диапазон, но и быть отброшена, а на проблемном поле могут появиться новые, прежде «проходные» фигуры, как только будет преодолен презентизм историко-научных изучений и история экономической мысли перестанет загонять их оригинальные построения в ее прокрустово ложе. Как, например, это произошло с Петром Павловичем Масловым (1867–1946) — ученым, который с куда большим основанием, нежели многие вышеперечисленные, может быть назван экономистом по развитию, чья модель обрела свои законченные черты по горячим следам «войны и революции», в ходе сибирской одиссеи 1918–1922 гг. [10].

С народнохозяйственной точки зрения...

Получив предложение занять вакантную кафедру политической экономии в недавно открытом Иркутском университете, П.П. Маслов в конце лета 1919 г. покидает Омск и пребывает в Иркутск. Курс, к чтению которого приступил в 1919–20 уч. году и который официально именовался «Политической экономией», он предпочитал именовать «Наукой о народном хозяйстве». Такое же название носили два выпуска его лекционного курса, изданные в 1920 и 1922 гг. соответственно и составленные большей частью из теоретических глав его прежних работ [11; 12]. Перебравшись весной 1921 г. в Читу (напомним, в то время столицу Дальневосточной республики) и став профессором Го-

сударственного института народного образования, он уже открыто будет читать курс науки о народном хозяйстве и даже поместит в читинском «Вестнике просвещения» небольшую статью, озаглавленную «Значение науки о народном хозяйстве», в которой отнесет к задачам науки «указывать пути хозяйственного развития и хозяйственного строительства» [13, с. 17].

Еще накануне мировой войны и революции П.П. Маслов писал о банкротстве академической экономической науки (политической экономии) как науки о народном хозяйстве в целом. Встав на обслуживающую интересы господствующих классов частнохозяйственную точку зрения, исходящую из представлений частного предпринимателя, она не только сосредоточилась на изучении отдельных поверхностных явлений экономической жизни, игнорировала марксизм, обобщивший трудовой, производственный опыт человечества, но и отстала от хозяйственной практики, будучи не в состоянии что-либо ей предложить. Новое название науки призвано было отразить опыт войны и революции, которые со всей определенностью сформировали представление «о народном хозяйстве не как о простой сумме частных хозяйств, а как об особом организме, понятие о котором нельзя составить только из наблюдения частного хозяйства и частнохозяйственных отношений». Русская революция в период военного коммунизма и вовсе «превратила миллионы отдельных хозяйств в одно народнохозяйственное целое, регулируемое единой волей и властью, показала, что ради сохранения народного хозяйства приходится подчинять непосредственные интересы рабочего класса интересам народного хозяйства» [14, с. 7–8]. Хозяйственная практика, таким образом, настойчиво подтолкнул науку к анализу тех сторон хозяйственной реальности, которые, представляя мало интереса для отдельных хозяйствующих субъектов, были способны («одни только и могут»)

пролить свет на организацию и развитие народного хозяйства в целом.

Наиболее важное научное значение указанный опыт имел потому, что наглядно продемонстрировал разницу и принципиальную противоположность частнохозяйственного, его «разновидности» государственно-хозяйственного и народнохозяйственного значения потребления. Маслов пишет: «если до войны можно было довольствоваться теми представлениями о потреблении, которые создавались на основе частнохозяйственного потребления, то после опыта войны стало ясно, что “производительное” потребление с точки зрения частно-предпринимательской в виде затрат на военное производство, с народнохозяйственной точки зрения является расхищением национального дохода и капитала» [14, с. 12–13]. Если до сих пор экономисты могли совершенно игнорировать эту сферу хозяйства, то теперь им волей-неволей придется пересматривать свои учебники политической экономии. И Маслов показал пример в этом отношении: он не только открывает свой курс «Наука о народном хозяйстве» разделом «Законы потребления», но и включает в него четыре главы из еще к тому времени неопубликованной книги «Мировая социальная проблема» [15], где обобщает тот самый «опыт войны и революции».

До войны считалось, что главным условием развития капиталистического хозяйства выступает рынок. Наличие рынка обеспечивает безграничное развитие хозяйства и обогащение капиталистического класса. Так как производительные силы стран постоянно упирались в ограниченность рынка, развитие сопровождалось перепроизводством товаров и кризисами. Сама война являлась погоней капиталистического класса конкурирующих стран за рынками. Начавшаяся война открыла воюющим странам обширный рынок для производства, удовлетворяющего их военные

потребности. Прибыли предпринимателей возросли; развитие производительных сил должно было идти ускоренным темпом. Ожиданиям не суждено было оправдаться. Воюющие страны, несмотря на расширение рынка и обогащение капиталистического класса, не только не обогатились, но обеднели, а их производительные силы деградировали.

Очевидно, делает вывод П.П. Маслов, «что для народного хозяйства имеет огромное значение характер (производительный или непроизводительный. — Д.М.) потребления национального дохода, та сторона хозяйственной жизни страны, которую наука о народном хозяйстве совершенно упускала из области своего наблюдения и изучения... Подойти к законам потребления не с точки зрения индивидуальных вкусов и индивидуальных бюджетов, а как к объективному фактору, определяющему процессы распределения и перераспределения производительных сил экономистам не приходило в голову. Лишь опыт войны с наглядностью показал, что изменение характера потребления повело не только к изменению темпа хозяйственного развития, но к его остановке и даже падению производительных сил» [14, с. 9]. Смотри на хозяйственную систему с народнохозяйственной точки зрения, П.П. Маслов фактически определяет науку о народном хозяйстве как политэкономии развития, которая призвана прийти на смену политэкономии распределения. В ее рамках сферы потребления и накопления выступают главными компонентами народнохозяйственной системы, структурные сдвиги во взаимоотношении которых оказывают существенное влияние на макроэкономическую динамику страны. Для исследователя изменения в характере потребления и накопления являются фундаментальными факторами, определяющими качество производительных сил и экономических отношений, параметры экономического развития.

Важное место в построениях П.П. Маслова занимает анализ опыта не только Первой мировой войны, но и революции и социалистического строительства в Советской России. Последний не менее наглядно демонстрировал непроизводительное потребление национального дохода, сокращавшее ту его часть, что шла на накопление национального капитала, являющегося необходимым условием для развития хозяйства страны. И хотя хозяйственная практика в Советской России предлагала немало примеров совпадения интересов государственного хозяйства с интересами развития народного хозяйства, зависимость от предшествующего пути развития давала о себе знать: государственно-хозяйственная точка зрения превалировала над народнохозяйственной как в построениях теоретиков, так и в действиях хозяйственников-практиков. Более того, и те и другие, на его взгляд, прибегали к «сокрытию» очевидных противоречий, существующих между интересами народного и государственного хозяйства (в своей попытке поставить между ними знак равенства), именуя последнее «социалистическим».

За этой критикой следует видеть не столько оппозицию П.П. Маслова практическим шагам новой власти, сколько продолжение вялотекущей и взявшей старт еще в последней четверти минувшего века полемики экономистов-теоретиков и хозяйственников-практиков о соотношении частнохозяйственной и народнохозяйственной точек зрения на хозяйственные явления и процессы², с одной стороны, и сближение позиции марксиста П.П. Маслова с позицией неонародников, с другой. Впрочем, о своих взглядах он со всей определенностью заявит на страницах петроградского журнала «Экономист» в статье 1922 г. «Предпосылки реальной экономической политики», правда, укрывшись за псевдонимом П.П. Чубутский³:

² Небезынтересный экскурс в эту полемику см.: [16, с. 64–68].

³ Подробнее см.: [10, с. 84 прим.].

«Народ — организм, и строение всех его частей органическое. Новое народничество должно быть национальным и государственным. Оно должно опираться не на опеку над народом, а на свободу хозяйственного почина и строительства, огражденную государственным порядком, обеспечивающим каждому равные права, безопасность личности и имущества, огражденного законом» [17, с. 53]. Здесь же, в целях предпринятого исследования, подчеркнем лишь, что П.П. Маслов не рассматривал огосударствление в качестве единственного способа социализации, пытаясь в рамках своей политико-экономической модели развития привнести экономическое начало в выработку ее (социализации) форм. Последние должны были содействовать экономическому развитию, что с его точки зрения означало — обеспечивать накопление общественного капитала. И государственное накопление в наименьшей степени отвечало решению этой задачи: неся бремя обслуживания длинного ряда настоятельных общественных потребностей, расходуя средства на укрепление власти и демонстрируя тенденцию к постоянному увеличению непроизводительного потребления, государство задействует для обеспечения накопления механизм налогового обложения, тем самым фактически подавляя накопление других участников народнохозяйственной системы.

В результате национализации социалистический (= государственный) сектор не столько сложился, сколько «разросся», по мнению ученого, за счет частнокапиталистического. Самим фактом огосударствления, увеличившим нехозяйственное и непроизводительное потребление, серьезно понизив степень народнохозяйственного накопления, сделав, если не главным, то ответственным за его осуществление сектор «некапиталистический» (\neq «социалистический»). Сектор, где было занято 9/10 всего населения страны, мелкие земледельческие, ремесленные и преимуще-

ственно потребительные хозяйства которого и определяли состояние и уровень развития производительных сил народного хозяйства.

Модель экономического развития

Иначе как восторженным нельзя назвать отклик на «Мировую социальную проблему» Маслова, его коллеги по Омскому сельскохозяйственному институту Василия Дмитриевича Маракулина (1881–1944), а точнее — его вступительную лекцию по политической экономии, прочитанную студентам Института ориентальных и коммерческих наук в Харбине в 1925–26 академическом году. В опубликованном ее тексте автор, думается, небезосновательно поставил небольшую книжку Маслова в один ряд со столь же небольшим по объему сочинением Дж.М. Кейнса «Экономические последствия мира»⁴, ставшим (в отличие от работы его русского коллеги) в свое время мировым бестселлером. Если последний, по его словам, в своей работе всего лишь «констатировал банкротство Европы после войны», крах основанной на мистификации и обмане рабочего класса капиталистической («замечательной», по мнению Кейнса) системы накопления, немислимой в обществе, где богатство распределено справедливо, то Маслов попытался подойти к проблеме «чисто теоретически», вскрыв «все несовершенство хозяйственного строя при разных способах организации труда, до социалистического включительно, и доказав, что разрешение социальной проблемы не зависит только от того, кому принадлежит право собственности на орудия и средства производства, а зависит больше от качества так называемого непроизводительного потребления...» [18, с. II]⁵.

⁴ При переводе на русский язык статья Дж. М. Кейнса получила несколько иное и менее удачное, на наш взгляд, название — «Экономические последствия Версальского мирного договора».

⁵ Маслов писал по этому поводу, что сам по себе переход орудий и средств производства в общественную собственность «...

Действительно, работа Кейнса и сразу после ее выхода в свет, и в наши дни [19] привлекает внимание не только описанием хода Версальской конференции и разбором ее результатов, но и несколькими страничками, посвященными социальной и экономической организации Европы на протяжении 50 лет, предшествовавших Первой мировой войне, и действовавшей в этот период модели капиталистического экономического развития. Первая мировая война, да и Русская революция поставили общественный порядок и устоявшийся режим накопления под угрозу, заставили смотреть в будущее с нескрываемым пессимизмом: «...принцип накопления, основанный на неравенстве имущества, был существенной частью общественного порядка до войны, а также прогресса, как понимался он в то время... Война показала всем возможность немедленного потребления, она показала многим бесполезность воздержания. Так был открыт обман; рабочий класс уже, пожалуй, не согласится больше жертвовать собою ради других, а класс капиталистов, неуверенный в своем будущем, захочет полнее воспользоваться своей свободой, насладиться, пока она еще принадлежит ему, и этим приблизит час конфискации своих имуществ» [20, с. 24].

не освещает вопроса о том, какая часть производимых продуктов должна доставаться на долю рабочих, какая часть должна пойти на орудия и средства производства, т.е. на производительное потребление, и, наконец, какую часть должны получить те общественные группы, которые не заняты непосредственно производством» [15, с. 91–92]. Опыт социализации в Советской России в период военного коммунизма своей неудачей наглядно продемонстрировал это, и отнюдь не потому, «что Россия отсталая страна. К таким же результатам привел бы этот опыт и в богатой капиталистической стране, хотя бы его осуществляли идеально практические и добросовестные люди: неудача является неизбежной потому, что самое решение проблемы и ее постановка неправильны, потому что социальная проблема ставится и в Западной Европе, и в России только как проблема распределения, а не проблема изменения характера потребления национального дохода» [15, с. 98].

Жизненный опыт П.П. Маслова был, пожалуй, в некоторых отношениях богаче, нежели у Кейнса (чего стоила одна только Гражданская война в Сибири с ее «демократической контрреволюцией»), а «конфискация имуществ» капиталистического класса уже состоялась. Не менее внимательный наблюдатель, он словно продолжает вслед за Кейнсом: «Старые господствующие классы положили начало разрухе, ведя агрессивную внешнюю политику и затеявши войну. Все социалистические партии готовили народы к разрушению хозяйства... Теперь предстоит образование нового класса и опять начнется период первоначального накопления» [14, с. 196]. Однако новый трудовой класс только в том случае станет носителем экономического прогресса и создателем нового социального строя, полагал он, если подчинит интересы распределения интересам производства и накопления, т.е. свои классовые интересы настоящего интересам хозяйственного развития, интересам будущего. «Образование нового класса, вышедшего из масс, который должен заняться накоплением, вовсе не входило и не входит в задачи коммунистической партии, тем не менее не только содействует образованию новых общественных сил, но является единственным средством сохранить результаты революции. Теперь никто не утверждает, что в России произошла революция, которая привела нас к социализму. Произошла революция, в результате которой должна заняться строительством [общественного порядка] новая общественная сила, вышедшая из народа» [там же].

По пути выработки «новой» (как соответствующей новой эпохе, старт которой дали мировая война и социалистическая революция в России) модели экономического развития П.П. Маслов двинулся несколько раньше Кейнса. Работа последнего над «Общей теорией...» начнется только после Великой депрессии, и уже основанное на ее постулатах «кейнсианство» по-

родит в рамках экономики развития теории, искавшие движущую силу развития на стороне потребления / спроса. Ограничения на пути развития, согласно идеям Кейнса, возникают в силу того, что народнохозяйственная система не в состоянии генерировать достаточный спрос для полного использования факторов производства. Соответственно, возникает потребность в государстве и его политике, которая может изменить, а не просто усилить встроенные механизмы накопления капиталистической экономики за счет создания достаточного совокупного спроса для восстановления производства: «микроэкономическая» политика рассматривается только наряду с этой целью.

П.П. Маслов избрал прямо противоположный путь строительства модели развития, тем более, что та должна была не усилить или изменить, а предложить альтернативу встроенному механизму экономического развития — непрерывного частнохозяйственного накопления капитала, — процессу в капиталистическом обществе социально несправедливому, поскольку основан на «воздержании от личного потребления» не самого капиталиста, а наемного рабочего, но необходимому для развития производительных сил, экономического развития общества. Измениться должны были не микро- или макроэкономическая политика, модель развития должна была обрести иные — «народнохозяйственные» — основания: осевой линией экономического развития, связывающей и соподчиняющей все многообразие его условий (включая и рынок), факторов и результатов, в рамках марксистского подхода надлежало стать трудовой деятельности людей с ее конкретными целями и способами организации.

На этой стадии своих рассуждений П.П. Маслов обращается к новой экономической политике, рождение которой нельзя объяснить (как это нередко делали большевики) «различными помехами правильно-му осуществлению проектируемого строя» [15, с. 90]

(мировой войной, гражданской войной, иностранной интервенцией, изоляцией страны и т.д.) или экономической отсталостью России — точно такой же результат ожидал бы социальных экспериментаторов и самой богатой капиталистической страны. Ошибка, полагал он, коренится «самых основах опыта», на что со всей определенностью указывает переход к нэпу. Исследователь задается вопросом: «Почему... Советская Россия, испытывая все отрицательные стороны капитализма с отсталым политическим строем, после того, как образовалось рабоче-крестьянское правительство, в конце концов принуждена была заимствовать его отрицательные стороны, давящие большинство населения. Почему это неизбежно, хотя осуществилась попытка уничтожения капитализма?». И дает ответ: «Единственным объяснением является то, что из существовавших до сих пор систем организации хозяйства, хотя бы с идеальным распределением дохода, капиталистическая системы наиболее интенсивно исполняла основное условие, необходимое для развития хозяйства — накопление орудий и средств производства для расширенного воспроизводства за счет личного потребления. Эту задачу не может осуществить мелкое хозяйство при самом идеальном демократическом строе, эта задача не может осуществиться и после социальной революции, если она не будет осознана широкими массами населения» [15, с. 99].

Специальной главе, посвященной рассмотрению новой экономической политики в РСФСР, своей книги «Проблема продукции (еще о социальной проблеме)», опубликованной практически сразу по возвращении в начале 1923 г. в Москву, он предпослал достаточно едкую ремарку: «Наиболее яркой иллюстрацией понимания проблемы накопления является отношение к новой экономической политике в России», которую следует читать и понимать строго наоборот, что явствует уже из текста самой главы: «большинству дея-

телей экономической политики совершенно не ясны ни задачи новой экономической политики, ни то, что она может и должна дать» [14, с. 106, 110]. В результате отсутствия теоретической увязки экономической политики с основными принципами, на которых она должна строиться, для многих руководителей хозяйства не ясна взаимная связь различных сторон экономической политики, ее связь с наукой о народном хозяйстве на которую она должна опираться. С позиций последней, по мысли П.П. Маслова, новая экономическая политика, во-первых, стала неизбежным шагом, вызванным разрушением хозяйственного механизма в предшествующую эпоху «военного коммунизма» — нарушением нормального процесса расширенного воспроизводства, во-вторых, имеет смысл лишь при условии, если ее мероприятия будут содействовать достижению народнохозяйственных целей развития и методов накопления.

Под этим углом зрения П.П. Маслов ревизует мероприятия новой экономической политики на начальном этапе ее реализации, которые демонстрируют скорее стремление власти подчеркнуть отрицательные черты частнохозяйственной организации производства и торговли, нежели акцентировать внимание на ее положительной роли в накоплении национального капитала и, тем самым, в развитии народного хозяйства [там же, с. 110–111]. Однако не эти «частности» волновали исследователя в первую очередь. «Слабой стороной» новой экономической политики называет он приоритет, отдаваемый ее инициаторами, проводниками или критиками форме (социальной организации производства) хозяйственных отношений над их экономическим содержанием, в силу чего мероприятия рисковали не достичь основной ее цели — перестройки этих отношений на новых социалистических (= некапиталистических) началах. Политика диктовалась «текущими интересами момента» или

идеологическими амбициями социальных прожектеров, нежели основывалась на сколько-нибудь глубоком политико-экономическом анализе.

Инстинкт народнохозяйственного накопления

Новые, более прогрессивные экономические отношения мыслились П.П. Масловым как обеспечивающие народнохозяйственное развитие благодаря более эффективному и «жизненному», «реалистическому» режиму накопления, исключающему насилие и / или принуждение со стороны капитала или государства. «Когда трудящиеся создадут необходимые условия для накопления без тяжелых условий самоограничения (т.е. сделают сознательный и продуманный выбор в пользу производительного потребления. — Д.М.), только тогда они смогут освободить себя от эксплуатации и создать действительное царство свободы. Для этого необходима не только “сознательность” трудящихся и определенный уровень состояния производительных сил, но и умение их сохранить и развить их при других социальных условиях» [15, с. 263–264]. Трудящиеся классы, на взгляд П.П. Маслова, в значительной массе своей были лишены «инстинкта накопления», не будучи заинтересованы в производительном потреблении (накоплении) и не имея возможности оценить его экономического значения, поскольку функция накопления являлась прерогативой капиталистического класса и государства, демонстрировавших, к тому же, пример непроизводительного потребления. Исключением, конечно же, являлось в России мелкое (трудовое) крестьянское хозяйство, вынужденное, однако, постоянно балансировать на тонкой грани, отделявшей личное и хозяйственное потребление, а точнее — регулярно переступать ее, превращаясь в хозяйство «самопотребительское».

Исследователь сравнивает инстинкт личного накопления «...с инстинктом пчел, собирающих и нако-

пляющих мед для “личного” их потребления. С точки зрения пчеловода крайне нецелесообразно как мешать пчелам летать для сбора меда, так и предоставлять его весь съедать пчелам» [14, с. 114]. (Здесь вновь обращает на себя внимание созвучие работы П.П. Маслова с книгой Дж.М. Кейнса, где встречаемся с такой же «пчелиной» метафорой [20, с. 23], с тем только отличием, что роль «трудолюбивых» пчел, сберегающих и накапливающих, принадлежит уже не капиталистическому, а трудовому классу.) Продолжая логику метафоры, Маслов предлагает взглянуть на новую экономическую политику как комплекс мероприятий, призванных использовать в целях хозяйственного развития этот “инстинкт” накопления. Более того, не довольствуясь возможностью задействовать для нужд развития потенциал мелких собственников-крестьян, новая экономическая политика должна формировать, воспитывать «инстинкт накопления» у более широких слоев трудового населения, содействуя созданию и распространению форм экономической организации, способных стать «школой» для уяснения значения производительного накопления.

Подобно своему британскому коллеге русский экономист, обсуждая вопрос об инстинкте накопления, обратился к проблематике социальной психологии, правда, в отличие от того сделал это не на классовом уровне, а на уровне хозяйствующего субъекта, справедливо полагая, что психология последнего тесно связана с его хозяйственной деятельностью, определяемой, в свою очередь, характером потребления. В соответствии с указанным критерием он выделил три типа потребляющих хозяйств: 1) лично-потребительское хозяйство пролетария, 2) лично- и хозяйственно-потребительское мелкого собственника (крестьянина или ремесленника) и 3) хозяйственно-потребительское кооперативное хозяйство, различный характер потребления которых задает различия в психологии

их субъектов и мотивации хозяйственной деятельности (и соответствующей ей идеологии) [21, с. 70–71].

Теоретическая схема, понимал ученый, ни в малейшей степени не соответствует прошлой и современной реальности и не может служить основанием для выработки модели экономического развития как последовательной смены мотивов хозяйственной деятельности / типов экономической идеологии. Она помогает лишь уяснить логику этого развития, если в основание последнего положено общественное накопление капитала. Логiku, ведущую от «индивидуально-пролетарской психологии» хозяйственной деятельности, где «инстинкт накопления» полностью отсутствует (проявляясь, разве, в стремлении стать мелким собственником), к становлению психологии «общественно-хозяйственной», в основании которой лежит осознание необходимости расширения общественного накопления и народнохозяйственного развития как неперемennого условия роста личного потребления. «[В]ыяснение путей и средств увеличения общественного производительного потребления посредством кооперативного движения» [21, с. 82], полагал П.П. Маслов, — задача «теории кооперации», изложению начал которой он посвятил одноименную книгу, подводившую, в известном смысле, итог его построениям в области политической экономии развития.

С точки зрения предпринятого нами исследования и в качестве его резюме осталось указать лишь на то положение политико-экономической модели развития П.П. Маслова, которое выводит ее теоретические утверждения на уровень экономической практики / политики. Кооперативное движение, по мнению ученого, и, прежде всего, в области производства, имеет не одно лишь экономическое значение, выступая инструментом улучшения материального положения трудящихся классов или борьбы с эксплуатацией его частным капиталом. Кооперативное

строительство играет и важную общественно-воспитательную роль, поскольку «путем хозяйственной деятельности при посредстве коллектива отдельный хозяйствующий субъект приучается давать надлежащую оценку общественному хозяйству и его развитию в своих собственных индивидуальных интересах» [21, с. 4]. То есть, формирует «инстинкт накопления»; и не частнохозяйственного, а общественного, или народно-хозяйственного. Благодаря этому своему качеству кооперирование гармонизирует индивидуальные интересы пролетарского и мелкого частного хозяйств с интересами развития народного хозяйства, что является одной из основных задач социализма. Именно в этой своей ипостаси, кооперативное движение и кооперативная форма организации производства, не будучи социалистическими по своей природе, должны были, по мысли исследователя, сыграть важную роль в переводе экономики страны на «народнохозяйственные» рельсы в период нэпа.

Список использованной литературы

1. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : в 2 ч. Ч. 1 : Страна Советов: пространство, власть, экономика / под общ. ред. Л.Н. Мазур. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 468 с. — EDN YSJNIT.
2. Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924-1928 / А. Эрлих ; пер. с англ. ; под научн. ред. А.А. Бельх. — Москва : Дело, 2010. — 247 с. — EDN OYLXAE.
3. Dobb M. Soviet Economic Development Since 1917 / M. Dobb. — London : Routledge & Kegan Paul, 1966. — 515 p.
4. Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов / В.Е. Маневич ; отв. ред. Л.И. Абалкин. — Москва : Экономика, 1989. — 142 с.
5. Преображенский Е.А. Пути развития: дискуссии 20-х годов / Е.А. Преображенский, Н.И. Бухарин. — Ленинград : Лениздат, 1990. — 253 с.
6. Маневич В.Е. История развития советской экономической мысли в 20-х годах (основы концепции) / В.Е. Маневич // Вопросы экономики. — 1989. — № 10. — С. 46–57.

7. Латов Ю.В. Альтернативы советской модели экономики / Ю.В. Латов. — EDN TTIDNH // Мир новой экономики. — 2013. — № 1. — С. 62-75.
8. Нуреев Р.М. Экономическая история России (опыт институционального анализа) / Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов. — Москва : КНОРУС, 2016. — 268 с. — DOI 10.15216/978-5-406-05162-7. — EDN VCLIZR.
9. Гайдар Е. Аномалии экономического роста / Е. Гайдар // Вопросы экономики. — 1996. — № 12. — С. 20-39.
10. Майдачевский Д.Я. Осмысливая опыт войны и революции, или «Экономическая наука из Читы»: П. П. Маслов, 1918-1922 / Д.Я. Майдачевский. — EDN YUJLTC // Экономическая история. — 2018. — Т. 14, № 1. — С. 73-87.
11. Маслов П.П. Наука о народном хозяйстве / П.П. Маслов. — Иркутск : Тип. № 2 Полигр. отд. Иргубсовнархоза, 1920. — Вып. 1. — 174 с.
12. Маслов П.П. Наука о народном хозяйстве. / П.П. Маслов. — Иркутск : Гос. изд-во : 1-я гос. тип., [1922]. — Вып. 2. — 260 с.
13. Маслов П.П. Значение науки о народном хозяйстве / П.П. Маслов // Вестник просвещения (Чита). — 1921. — № 2. — С. 17-19.
14. Маслов П.П. Проблема продукции : (еще о социал. проблеме) / П.П. Маслов. — Петроград ; Москва : Книга, 1923. — 208 с.
15. Маслов П.П. Мировая социальная проблема / П.П. Маслов. — Чита, 1921. — 268 с.
16. Коцонис Я. Как крестьян делали отстающими : сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861-1914 / Я. Коцонис. — Москва : Новое лит. обозрение, 2006. — 320 с.
17. Чубутский П.П. Предпосылки реальной экономической политики / П.П. Чубутский // Экономист. — 1922. — № 3. — С. 45-53.
18. Маракулин В.Д. Новые пути к разрешению социальной проблемы : вступит. лекц. по полит. экон., чит. студ. ориентал. и комм. наук в Харбине в 1925-26 ак. году / В.Д. Маракулин. — Харбин : Меркурий, 1926. — 49 с. — (Ин-т ориент. и коммерч. наук в Харбине, Ученые записки. Т. 1, вып. 1).
19. Черемисинов Г.А. Столетие макроэкономического шедевра Дж. М. Кейнса / Г.А. Черемисинов. — DOI 10.18500/1994-2540-2021-21-1-4-17. — EDN DTUHLB // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2021. — Т. 21, вып. 1. — С. 4-17.

20. Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора / Дж.М. Кейнс ; пер. с англ. — Москва : Гос. изд., 1922. — XIV, [1], 137 с.

21. Маслов П.П. Теория кооперации / П.П. Маслов. — Чита : Госкнига, 1922. — 122 с.

References

1. Mazur L.N. (ed.) *Early Soviet Society as a Social Project, 1917–1930s*. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2018. Pt. 1. 468 p. EDN: YSJNIT.

2. Erlich A. *The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928*. Cambridge, Harvard University Press, 1960. 214 p. (Russ. ed: Erlich A.; Belykh A.A. (ed.). *The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928*. Moscow, Delo Publ., 2010. 247 p.).

3. Dobb M. *Soviet Economic Development Since 1917*. London, Routledge & Kegan Paul, 1966. 515 p.

4. Manevich V.E.; Abalkin L.I. (ed.). *Economic Discussions in the Twenties*. Moscow, Ekonomika Publ., 1989. 142 p.

5. Preobrazhenskii E.A., Bukharin N.I. *Ways of development: discussions of the 1920s*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1990. 253 p.

6. Manevitch V.E. History of the development of Soviet economic thought in the 1920s (basics of the concept). *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 1989, no. 10, pp. 46–57. (In Russian).

7. Latov Yu.V. Alternatives to the Soviet Economic Model. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*, 2013, no. 1, pp. 62–75. (In Russian). EDN: TTIDNH.

8. Nureev R.M., Latov Yu.V. *Economic history of Russia (experience of institutional analysis)*. Moscow, KnoRus Publ., 2016. 268 p. EDN: VCLIZR. DOI: 10.15216/978-5-406-05162-7.

9. Gaidar E. Anomalies of Economic Growth. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 1996, no. 12, pp. 20–39. (In Russian).

10. Majdachevskij D.Ya. Reflecting on the Experience of War and Revolution, or "Economic Science from Chita": P. Maslov, 1918–1922. *Ekonomicheskaya istoriya = Economic History*, 2018, vol. 14, no. 1, pp. 73–87. (In Russian). EDN: YUJLTC.

11. Maslov P.P. *The science of the national economy*. Irkutsk, 1920. Iss. 1. 174 p.

12. Maslov P.P. *The science of the national economy*. Irkutsk, 1922. Iss. 2. 260 p.

13. Maslov P.P. The value of the science of the national economy. *Vestnik prosveshcheniya = Herald in Education*, 1921, no. 2, pp. 17–19. (In Russian).

14. Maslov P.P. *The product problem*. Petrograd, Moscow, Kniga Publ., 1923. 208 p.
15. Maslov P.P. *The World Social Problem*. Chita, 1921. 268 p.
16. Kotsonis Ya. *Making Peasants Backward: Agricultural Cooperatives and the Agrarian Question in Russia, 1861–1914*. New York, Palgrave Macmillan, 1999. 255 p. (Russ. ed.: Kotsonis Ya. *Making Peasants Backward: Agricultural Cooperatives and the Agrarian Question in Russia, 1861–1914*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 320 p.).
17. Chubutskii P.P. Prerequisites for real economic policy. *Ekonomist = Economist*, 1922, no. 3, pp. 45–53. (In Russian).
18. Marakulin V.D. *New Ways of Solving the Social Problem*. Kharbin, Merkurii Publ., 1926. 49 p.
19. Cheremisinov G.A. A Century of J.M. Keynes' Macroeconomic Masterpiece. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–17. (In Russian). EDN: DTUHLB. DOI: 10.18500/1994-2540-2021-21-1-4-17.
20. Keynes J.M. *The Economic Consequences of the Peace*. New York, 1920. 313 p. (Russ. ed.: Keynes J.M. *Economic consequences of the Versailles Peace Treaty*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922. XIV, 137 p.).
21. Maslov P.P. *Theory of cooperation*. Moscow, Goskniga Publ., 1922. 122 p.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru. 0000-0002-0966-188X; SPIN-код: 9241-2241; AuthorID: 499735.

Author

Dmitry Ya. Maidachevsky — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru. 0000-0002-0966-188X; SPIN-Code: 9241-2241; AuthorID: 499735.

Для цитирования

Майдачевский Д.Я. НЭП с народнохозяйственной точки зрения: П.П. Маслов, Иркутск — Чита, 1920–1922 гг. / Д.Я. Майдачевский. — DOI 10.17150/2308-2488.2022.23(3).508-535 // Историко-экономические исследования. — 2022. — Т. 23, № 3. — С. 508–535.

For Citation

Maidachevsky D. Ya. The New Economic Policy from the National Economy Perspective: Petr Pavlovich Maslov, Irkutsk — Chita, 1920–1922. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2022, vol. 23, no. 3, pp. 508–535. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2022.23(3).508-535.